

ЦЕНА 20 КОП.

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 6 ДНЕЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литературный Ленинград

ОРГАН ЛЕНИНГРАДСКОГО ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 32 (54)

Адрес редакции: Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Тел. 560-58.

14 июля 1934 г.

НАСЛЕДСТВО ЧЕХОВА

15 ИЮЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 30 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ А. П. ЧЕХОВА

Накануне двадцатилетней годовщины смерти А. П. Чехова Мих. Кольцов выпускал фельетон, в котором утверждал, что «Чехов должен быть разгромлен. Мы должны вернуть его в подлинном виде огромным массам нового, пролетарского читателя, как неиссякаемый источник художественных образов, как обличителя отмирающей, но еще живой «интеллигентщины» в старом смысле, как беспощадного изображителя всех слабых и отсталых, элякотных сторон формирующегося заново российского гражданства. Мы предлагаем Чехова и нашей молодой литературе, как блестящего учителя формы, короткого рассказа, простого и вмещающего языка».

Этот призыв, это требование разгромить Чехова было чрезвычайно своевременным. Либерально-буржуазные публицисты, буржуазные литературоведы создали ряд легенд о Чехове, ходячих, штампованных и ложных «истин», назначение которых было ослабить страшную силу чеховской иронии и сатиры, спасти от ее удара друблую, трусливую и подлую либеральную буржуазию и буржуазную интеллигенцию. «Поэт лирических людей» (как будто Чехов слагал им, этим лирическим людям, одические гимны), «певец сумерок и хмурой русской жизни» (как будто он воспеивал эти сумерки, а не тяготился ими и не проклинал их), «задумчивый мечтатель с невыразимо прекрасной жизнью через 200—300 лет», (как будто Чехов и его герои — это одно и то же, как будто каждое слово, произнесенное его героями, есть в то же время и личное слово Чехова и как будто мечты о «небе в алмазах» не свойство все того же бездальственного и вялого интеллигентского характера, бессильного бороться за изменение действительности). Все эти формулы скрывали подлинного Чехова, это и был тот грим, от которого необходимо освободить его.

Против этих легенд возражал и сам Чехов. «Какой я нытик? Какой я хмурый человек? Какая я холодная кровь, как называют меня критики?.. Какой я песимист? Ведь из моих вещей самый любимый мой рассказ «Студент». И слово то противное «Песимист!»

И Чехов подаром ценил Салтыкова именно за то, что он с подлинно уничтожающей иронией и сарказмом говорил о «своломочном духе среднего русского интеллигента», т. е. того самого «нытика», с которым буржуа пытались отождествить Чехова.

«Личная биография Чехова безупречна, — писал в своем фельетоне Кольцов — все соприкосновения его с общественной и политической жизнью отмечены активным сочувствием формирующемуся рабочему движению и близким к нему деятелям. Это положение оспаривал Ю. Соболев, приводя общезвестные факты, правильно указывая на «незрелость» политической мысли Чехова, на то, что «сочувствие рабочему движению» в сущности ничем не может быть доказано, потому что на эту тему, кроме беглых упоминаний в рассказах, Чехов никогда ничего не написал, на ряд «сомнительных» мест в письмах Чехова к Суворову».

Возражения эти более или менее правильны. Однако, для доказательства актуальности творчества Чехова в наши дни, для обоснования ценности наследства Чехова нет решительно никакой необходимости прибегать к аргументам биографического порядка. Говоря о том, что Чехова необходимо «разгромить», восстановить подлинного, исторического, взамен оболганного буржуазным литературоведением Чехова, мы имеем в виду не только, или, вернее, не столько биографию, личную судьбу Чехова, сколько непосредственное дело художника — его произведения. «Разгромить» значит восстановить подлинное объективное значение чеховской сатиры, чеховской

иронии, чеховской борьбы с «футлярами» и Пришибеями.

В ответ на упреки в равнодушии Чехов писал Суворову: «Вы браните меня за объективность, называя ее равнодушием к добру и злу, отсутствием идеалов и идей и пр. Вы хотите, чтобы я, изображая злокравов, говорил бы: кража лошадей есть зло. Но ведь это и без меня давно известно. Пусть судят их присяжные заседатели, а мое дело доказать только, какие они есть... Конечно, было бы приятно сочетать

художество с проповедью, но для меня это чрезвычайно трудно и по условиям техники почти невозможно. Взяв чтобы изобразить конокрадов в 700 строках, я все время должен говорить и думать в их тоне и чувствовать в их духе, иначе, если я подбавлю субъективности, образы расплывутся и рассказ не будет так компактен, как надлежит быть всем коротеньким рассказам».

Мы знаем, какой именно «субъективности» мог требовать от Чехова Суворова. Но самое признание, что «сочетать художество с проповедью» для Чехова трудно и даже «почти невозможно», должно быть принято во внимание в анализе творчества Чехова. О необходимости быть объективным он говорит и в других письмах: «Для химиков на земле нет ничего вечного. Литератор должен быть так же объективен, как химик, он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почетную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые». И в полном соответствии с этой «объективистской установкой» он заявляет: «большие писатели должны заниматься политикой лишь постольку, поскольку нужно обороняться от нее».

Слова о «навозных кучах», играющих в пейзаже очень почетную роль — классическая формулировка позиций буржуазного реализма, формулировка, в которой в наиболее яркой форме отражено противоречие между методом и мировоззрением художника, формулировка, которая одновременно свидетельствует о силе и о слабости, ограниченности этого реализма.

Да, в мирозерпании и в творчестве Чехова была тенденция к своеобразной «надпартийной» объективности, роднящая его со всей системой буржуазного либерализма, но вместе с тем, хотел ли этого художник или не хотел, весь пейзаж деревенской русской действительности, обрисован им с такой потрясающей и подкупающей правдой, что его произведение приобретает характер приговора над изображенными явлениями. И разве не приговором над «своломочным духом русского интеллигента», над русским молодым человеком, который, до двадцати лет декламировал тирады в духе маркиза Позы, а после двадцати «остепенелся» — является целый ряд чеховских рассказов — и «Учитель словесности» и «Волода большой и Волода маленький» и «Голый и тонкий» и множество других? Разве не приговор и не обличение — «Человек в футляре», «Унтер Пришибаев»? Разве не приговор, наконец, всем правам, всем повадкам кулацкого хищничества рассказ «В овраге», разве не приговор — та картина деревенской деревенской действительности, которая дана в «Мужиках»?

Как свидетельствует целый ряд воспоминаний, Владимир Ильич очень высоко ценил и любил Чехова и любил он его, конечно, именно за ту глубочайшую правду, с которой этот художник изображал жизнь, за ту правду, с которой он говорил о пейзаже души российского интеллигента.

Советский читатель, новый пролетарский читатель сравнительно недавно получив прекрасно отредактированное, со злыми сверченными

текстами издание Чехова (приготовлено к печати С. Д. Балухатым). Тот факт, что ни одного тома этого издания уже получить невозможно (а оно было выпущено огромными тиражами сперва «Журнала обединения», а затем в дополнении Гизом) свидетельствует об огромном интересе к творчеству Чехова. И этот интерес обязывает наших писателей внимательно пересмотреть чеховское наследство, потому что вся работа Чехова необыкновенно поучительна.

Алексей Максимович Горький подаром недавно напомнил о том, что лучше всего начинать свою литературную работу отнюдь не с многотомных эпопей, но с коротких рассказов. Новелла — вот жанр, которым мы пренебрегаем по неизвестным причинам. Мастерство Чехова — новеллиста, мастерство, основанное, по его собственному признанию, не только на умении писать, но и на умения вычеркивать, мастерство, строгое и экономное, которое позволяло ему одной-двумя деталями показать и социальное положение, и характер, и привычки персонажа — это мастерство отнюдь не достаточно усвоено нашими писателями.

Задача марксистской критики, — задача марксистского литературоведения — не только «разгромить» Чехова, но и популяризировать весь опыт его работы, которая отличалась прежде всего отсутствием высокомерия, потому что Чехов, как никто другой в мировой литературе, умел использовать «младшие», «низкие» жанры, но менее почетные, чем многотомная эпопея, — жанры, обретающиеся в юмористических журналах, и поднять их на высоту огромного художественного значения.